

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВИЛА: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФИКЦИЯ?

Нужно ли знать языковые правила для того, чтобы пользоваться языком в устной или письменной его форме? На этот вопрос многие ответили бы отрицательно. Большинство из носителей языка утверждает, что они никаких правил никогда не учили или же учили когда-то в детстве, но потом забыли. Во всяком случае, когда пишут, ими не пользуются или же пользуются крайне редко. Еще больше единодушия обнаруживается применительно к устной речи. Многие искренне недоумевают по поводу того, что тут вообще имеются какие-то правила. Если задать подобный вопрос, имея в виду чужой для человека (иностраный) язык, то тут выявится интересная закономерность: отрицательно на данный вопрос ответят те, кому довелось осваивать чужой язык в естественных условиях, путем погружения в новую для них речевую среду, например, вследствие переезда в другую страну. Ответы же тех, кто изучал язык в классе, под руководством педагога, по учебникам, могут быть различными: тот, кто свободно владеет иностранным языком, говорит обычно, что правила учил, но, когда говорит, ими уже практически не пользуется, хотя раньше пользовался, тот же, кто делает лишь первые шаги, скажет, что руководствуется правилами и, когда говорит, старается припомнить нужные для данного случая. Если говорить о письменной речи, то тут ситуация несколько иная. Некоторые даже оказываются в состоянии назвать кое-какие правила (чаще всего в качестве примера приводят усвоенное в начальной школе: «ЖИ-ШИ — пиши И» или «ЧА-ЩА — пиши А»), однако большинство все равно уверяет, что, когда пишет, о

правилах не думает. Между учителями иногда возникают споры по поводу того, следует ли снижать оценку ученику, который написал правильно, но не смог объяснить, каким правилом он при этом руководствовался («Значит, он случайно угадал, а правило не учил!») — говорит тот учитель, который полагает, что оценку следует снижать). Характерно, что в числе «случайно угадавших» оказываются часто наиболее грамотные и чуткие к языку дети. Многие родители при этом уверяют, что их ребенок писал грамотно, не зная никаких правил, а когда их начали проходить в школе, стал делать ошибки.

В наше время, когда лингвисты обратились от изучения языка как статичной системы к языку в его реальном функционировании, к языку как достоянию каждого человека, когда возникла и активно развивается психолингвистика и онтолингвистика (лингвистика детской речи), пришло время выяснить, что же такое языковые правила и какую роль они играют в усвоении языка как родного и неродного (второго, иностранного), а также в реальной речевой деятельности человека (восприятии и производстве речи — как письменной, так и устной). Начнем с известного «треугольника» Л. В. Щербы, обозначившего три аспекта языковых явлений: 1) речевую деятельность (процессы говорения и понимания); 2) языковую систему (словарь + грамматика); 3) языковой материал как «совокупность всего говоримого и понимаемого», текст [9. С. 25]. А. А. Залевская [3] уже около четверти века назад отметила, что на самом деле Л. В. Щерба в своей знаменитой статье выделил не три, а четыре аспекта языковых

явлений, поскольку он рассматривал еще и систему языковых представлений конкретных людей, носителей данного языка, психофизиологическую организацию человека. Эту психофизиологическую речевую организацию человека он считал индивидуальным проявлением языковой системы, которая может в идеале совпадать с ней, но реально чем-то отличается, как различаются и психофизиологические речевые системы разных людей. В самом общем плане он описал и механизм приобретения языка: «Речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта, ... а должна быть своеобразной переработкой этого опыта» [9. С. 25]. Важно также, что Л. В. Щерба указывал на бессознательный характер этой переработки индивидом речевого опыта. Именно эта бессознательность и различает аналитическую деятельность ученого-лингвиста и рядового человека (ребенка, конструирующего в своем сознании систему родного языка, и инфона, также конструирующего в своем сознании систему нового для него языка). Эта мысль так существенна для обсуждения проблемы, поставленной в нашей статье, что мы приведем цитату полностью: «В сущности, можно сказать, что работа каждого неопита данного коллектива, усваивающего себе язык этого коллектива, т. е. создающего у себя речевую систему на основании речевого материала этого коллектива, ... совершенно тождественна работе ученого исследователя, выводящего из того же языкового материала данного коллектива его языковую систему, только одна протекает бессознательно, а другая — сознательно» [9. С. 35]. Итак, язык индивидом осваивается бессознательно. Это в полной мере относится как к освоению первого, так и второго языка. Данное положение справедливо (хотя и в меньшей степени) даже по отношению к освоению второго языка в учебных условиях [4]. И. М. Румянцевой разработана и внедрена в практику методика обучения иностранной речи по модели освоения ребенком родного языка [6].

Речевая деятельность, подобно любой другой деятельности человека, совершается по определенным правилам. Эти правила (очевидно, их лучше именовать речевыми, а не языковыми, хотя второе название является более традиционным) осваиваются вместе с освоением языковых единиц и определяют закономерности сочетания более мелких языковых единиц в составе более крупных, а также конструирование новых языковых единиц. Любое правило основано на той или иной закономерности, имеющейся в языковой системе, представляет собой способ реализации той или иной закономерности в реальной речевой практике. Овладеть языком — значит освоить существующие в данном языке единицы и правила их использования в речевой деятельности (дополняя Л. В. Щербу, мы должны сказать — не только в говорении и понимании устной речи, но еще и в письме и чтении). Любой уровень языка (фонологический, морфемный и т. п.) характеризуется определенными парадигматическими и синтагматическими закономерностями, которые приобретают вид своего рода указаний для речевой деятельности человека, пользующегося данным языком. Остановимся для иллюстрации данного положения на морфологических правилах и выберем правила образования форм существительного. Какими знаниями должен обладать человек, чтобы, например, встретив впервые в тексте какое-либо слово, например, «мамонтёнок» в форме именительного падежа единственного числа, образовать нужную для него форму винительного падежа? Очевидно, он должен 1) выяснить, к какому из трех типов склонения принадлежит данное слово; 2) определить, нужно ли произвести те или иные изменения в основе при переходе от единственного числа к множественному; 3) понять, одушевленным или неодушевленным является существительное, так как для формы винительного падежа это существенно; 4) присоединить к основе флексию, диктуемую данным типом склонения. Искомый результат — «мамонт-

тёнка». При этом в основе дополнительно потребовалось произвести чередование в суффиксе с нулем звука, т. е. учесть наличие беглой гласной. Производит ли все эти операции человек на том уровне, который А. Н. Леонтьев определил как уровень актуального контроля? Нет, скорее на том уровне, который тот же А. Н. Леонтьев назвал бессознательным. Однако бессознательность процесса использования правил и даже одномоментное (а не последовательное) их использование еще не отменяют самого факта существования данных правил. Наличие правил мы замечаем обычно только в том случае, если они нарушаются — если кто-то скажет, например, «Вижу мамонтёнка», не произведя необходимых изменений в основе, или «Вижу мамонтёнок», не маркировав принадлежности данных существительных к разряду одушевленных. Существует определенная иерархия правил (наиболее общие, относящиеся к ядру языковой системы, и более частные, представляющие собой ограничения, налагаемые на действие общих правил) [7]. При освоении языка существует стадия «до правил» (используя терминологию В. Б. Касевича [5] и частично ее преобразуя, можно говорить о «морфологическом лепете»), имея в виду период, когда ребенок использует некоторые словоформы существительного и глагола в «замороженном виде», т. е. не обращая внимания на их грамматические значения. Около двух лет начинается период так называемой «продуктивности», когда ребенок уже осознает состав субстантивной и глагольной парадигмы, будучи еще не в состоянии дифференцировать типы склонения существительных и спряжения, а также классы глаголов. Он уже в состоянии выбрать правильный падеж, но еще не может верно определить, какую из флексий, распределенных по типам склонения, следует использовать. Формообразовательные инновации, которые начинают появляться в данный период, свидетельствуют о том, что он именно конструирует формы существительных, а не заимствует их в готовом виде из речи взрослых. Нарушая правила более

частного уровня, ребенок обычно следует правилам более общим, тем самым выявляя реально существующую иерархию этих правил [7]. Прав был К. И. Чуковский, говоря, что мы кажемся ребенку законодателями, нарушающими собственные законы. Подобным образом дети оказываются в состоянии осваивать и многие правила письменной речи, устанавливая необходимые аналогии на основе собственного опыта чтения и письма [1, 2, 8]. Лишь незначительная часть графических и орфографических правил изучается в школе, большая их часть осваивается каждым индивидом самостоятельно. Многие правила письма вообще не подвергались кодификации — именно в силу того, что могут быть освоены на бессознательном уровне. Но даже и те правила, которые кодифицированы и изучаются в школе, могут осваиваться (и, как правило, осваиваются) многими детьми самостоятельно на основе их собственного речевого опыта. Именно поэтому выдвижение их «в светлое поле сознания», движение от произвольности к произвольности приводит иногда к отрицательному результату. Разумеется, необходимо учитывать, что у всех детей разные способности, некоторым нужна экспликация правила.

Эти рассуждения связаны с тем загадочным феноменом, который мы привыкли именовать «чувством языка», «языковым чутьем», применительно к письменной форме речи — с так называемой «врожденной грамотностью», которая и есть, по видимому, не что иное, как способность самостоятельно конструировать свою индивидуальную языковую систему, опираясь на собственный речевой опыт.

Возвращаясь к вопросу, обозначенному в заглавии нашей статьи, подведем итоги: да, правила языка знать необходимо, но значительная их часть осваивается нами в детстве на бессознательном уровне. Педагогическое вмешательство требуется преимущественно в тех случаях, когда языковая закономерность, лежащая в основе правила, слишком сложна для «спонтанного» освоения и нуждается в экспликации, объяснении. И ре-

Языковые правила: реальность или фикция?

зультаты его оказываются успешнее в том случае, когда методика помощи максимально учитывает лингвистические и психолингвистические аспекты проблемы.

Литература

1. *Авакумова Е. А.* Морфемно-derivационные основания орфографической интуиции // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы международной конференции 14–16 марта 2002 г. Санкт-Петербург. СПб., 2004.
2. *Голев Н. Д.* О природе орфографической интуиции (к постановке проблемы) // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы международной конференции 14–16 марта 2002 г. Санкт-Петербург. СПб., 2004.
3. *Залевская А. А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека: Учебное пособие. Калинин, 1977.
4. *Залевская А. А., Медведева И. Л.* Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь, 2002.
5. *Касевич В. Б.* Онтолингвистика, типология и языковые правила // Язык и речевая деятельность. СПб., 1998. Т. 1.
6. *Румянцева И. М.* Психология речи и лингвопедагогическая психология. М., 2004.
7. *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.
8. *Цейтлин С. Н.* К вопросу о возможности спонтанного усвоения орфографических правил // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы международной конференции 14–16 марта 2002 г. Санкт-Петербург. СПб., 2004.
9. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.